

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/19988613/77/4

Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)

Ирина Владимировна Лиджиева

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, irina-lg@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – исследование социально-демографических характеристик попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. на основе анализа формулярных о службе списков и аттестатов улусных попечителей. Автор приходит к выводу, что для чиновничества, реализовывавшего имперскую региональную политику на национальной окраине и представлявшего собой социальный капитал, Калмыцкая степь выступала благоприятной средой для карьерного роста.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Управление калмыцким народом, чиновничество, улусный попечитель, улусное управление

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Для цитирования: Лиджиева И.В. Попечительский корпус Калмыцкой степи второй половины XIX в. – начала XX в. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 30–40. doi: 10.17223/19988613/77/4

Original article

The trustee corps of the Kalmyk steppe of the second half of the XIX century – beginning of XX century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia)

Irina V. Lidzhieva

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation, irina-lg@yandex.ru

Abstract. The management system of the Kalmyk steppe of the Astrakhan region that lay on the outskirts of the Russian empire went on being reformed in the second half of the 19 century. In 1867 the Chamber of State Property was reorganized and the Ordyn Chamber was renamed into Control over the Kalmyk People.

The aim of the imperial policy was to involve distant regions into the integrated system of management. The bureaucratic structure was considered to be a basis for the policy. The social and demographic peculiarities of the Trustees' Board of the Kalmyk steppe are under consideration in the present article. Local branches of the Trustees' Board in Kalmyk districts in the period between the second half of the 19 century and the beginning of the 20 century are paid a particular attention.

The social history toolkit has been applied to the carrying out the present research.

The prosopographical method has been used to analyze documents of the National Archive of the Kalmyk Republic in order to track the life and career development of the members of local branches of the Trustees' Board in Kalmyk districts in the period between the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. The statistical analysis has been made to create a collective image of the bureaucratic body of the executive power in the Kalmyk steppe.

The author has used the list of district trustees from 1867 to 1917 that was a part of the Unified list of all officials in the Russian empire. The documentary source was an official reference book compiled through a calendar year. The list under consideration underwent insignificant additions. Among the social and demographic peculiarities of the Trustees' Board of the Kalmyk steppe the social class and religious background are paid a close attention.

The author draws a conclusion that the local body of management system was considered to be a start for the further career promotion for every involved person even not a highly qualified one. The distance from the federal center, climate characteristics and local management system contributed to the peculiarities of the body. Some officials took into account the features of the local culture and got professional education to carry out their duties efficiently.

Keywords: Kalmyk steppe, Management of the Kalmyk people, bureaucracy, ulus trustee, ulus administration

Acknowledgments: The publication is prepared in the framework of the implementation of the State task of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre Of The Russian Academy Of Sciences, №. project 122020100347-2.

For citation: Lidzhieva, I.V. (2022) The trustee corps of the Kalmyk steppe of the second half of the XIX century – beginning of XX century (based on the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 77. pp. 30–40. doi: 10.17223/19988613/77/4

XIX век – период формирования в Российской империи нового бюрократического аппарата, значение которого постоянно возрастало. Увеличение территории государства, рост численности населения, усложнение схемы общественных отношений привели к расширению структуры управленческого аппарата. Калмыцкая степь во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой региональную окраину, население которой имело особый правовой статус в социальной структуре российского общества – инородец. Основной целью имперской политики на указанной территории являлось создание условий и постепенное интегрирование системы управления в общероссийское социально-экономическое и политическое пространство. Проводниками этой политики выступало чиновничество, от его квалификации, знаний местных особенностей, в том числе истории народа, его традиций и обычаев, зависел результат поставленной цели, а также положение народа в целом и прежде всего его материальное благосостояние. В связи с этим чиновничество приобретало ключевую роль и оказывало влияние на все сферы жизни общества. Исключением не являлась и Калмыцкая степь, которая для кого-то стала частью жизни, а для кого-то лишь трамплином в дальнейшей карьере. Качественное изучение социального состава указанной прослойки социума является на сегодняшний день одним из актуальных направлений в историографии.

Предметом исследования данной статьи являются социально-демографические характеристики попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. на примере улусных попечителей. В ходе исследования рассматриваемой проблемы применен инструментарий социальной истории. Так, использование просопографического метода позволило на основе анализа документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия провести реконструкцию жизненного и профессионального пути улусных попечителей Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в., а с помощью статистического анализа создана коллективная биография чиновничества органа исполнительной власти Калмыцкой степи в рассматриваемый период на примере улусных попечителей.

Региональное чиновничество имперского периода не раз выступало объектом исследования историков. Так, проблема, посвященная изучению личного состава государственного аппарата – чиновничества, раскрывается в работе П.А. Зайончковского, обратившегося к исследованию состава отдельных групп высшей бюрократии и губернской администрации, а также условий службы чиновничества [1].

О.В. Морякова, исследователь системы государственного управления России XIX в., в статье «Про-

винциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы», актуализируя проблему, к которой обращается в указанной статье, отмечает: «Работа государственных учреждений во многом зависит от социальной психологии людей, в них служащих» [2. С. 11].

Новшеством историографии постсоветского периода стало появление ряда работ, посвященных изучению социального состава и условий службы регионального чиновничества, занимавшего средние и низшие ступени в вертикали власти [3–5].

Новейшая отечественная историография обогатилась значительным количеством исследований по проблеме чиновничества XIX – начала XX в., подробный анализ которых представлен в статьях О.А. Плех и А.А. Оспановой [6, 7].

Американский исследователь В. Пинтнер – первый зарубежный ученый, обратившийся к изучению чиновничества России первой половины XIX в. на основе анализа формулярных списков [8]. Применение математических методов научного исследования позволило ему сделать ряд выводов, характеризующих данную социальную, профессиональную группу по ряду признаков.

К сожалению, существует лишь незначительное количество работ, в которых авторами затрагиваются отдельные аспекты темы чиновничества, состоявшего на службе в Управлении калмыцким народом [9, 10]. Между тем изучение этого «особого слоя людей» [11. С. 455], в том числе и для Калмыцкой степи в рассматриваемый период, являвшейся национальной окраиной, позволило бы выявить отдельные аспекты эволюции имперской политики в отношении регионов, а также инородческого населения империи.

С 1 января 1867 г. «вследствие передачи государственных крестьян в ведение общих по крестьянским делам учреждений...» [12. С. 469] Палата Государственных Имуществ была закрыта, а Ордынское Отделение Палаты переименовано в Главное Управление калмыцким народом. При этом в примечании к «Штатам и табелям» части второй высочайше утвержденно-го 22 декабря 1866 г. Расписания должностей и издержек по местному губернскому управлению государственных имуществ отмечается, что в Астраханской губернии «...остается временно управление калмыцким народом без изменения штатов» [13. С. 645]. Согласно ст. 118 Положения 1847 г. в каждом улусе учреждалось по одному улусному управлению в трех казенных улусах: Багацохуровском, Эркетеновском, Яндыко-Икицохуровском, а также в четырех владельческих: Хошеутовском, Малодербетовском, Большедербетовском и Харахусо-Эрдниевском. На основании представления министра Государственных Имуществ об упразднении должности Опекуна и об учреждении

должности Правителя в Харахусо-Эрдниевском калмыцком улусе 25 января 1888 г. высочайше утвержденным постановлением императора Александра III Харахусо-Эрдниевский улус из разряда владельческих был переведен в разряд казенных. Расходы на содержание новой должности Правителя (345 руб. в год) относились на счет калмыцкого общественного капитала [14]. Соответственно, действующее на тот момент штатное расписание по Управлению калмыцким народом предусматривало должности семи улусных попечителей и девяти их помощников, по два в Малодербетовском и Яндыко-Икицохуровском улусах, а также попечителя и его помощника в Мочагах [15]. «Мочаги и Калмыцкий Базар, территория которых являлась общим пользованием всех улусов, находились в особом положении. Калмыцкий Базар был в основном центром торговли скотом, найма рабочей силы» [16. С. 197].

На протяжении второй половины XIX в. количество улусных управлений не раз подвергалось изменениям. Так, 13 марта 1860 г., согласно представлению Наместника Кавказского и Министра Государственных Имуществ, «... признавая необходимость, для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханскими и Ставропольскими губернскими начальствами по заведыванию калмыками и магометанскими народами, кочующими на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний...» [17], Большедербетовский и отдельная часть Малодербетовского улуса с их управлениями передавались из ведомства Астраханского в ведение Ставропольского губернского начальства.

6 марта 1864 г. попечитель Багацохуровского улуса представил в Палату Государственных Имуществ приговор улусного общества «...о желании наименовать Багацохуровский улус – Багацохуро-Муравьевским» [18. Д. 111. Л. 1]. И уже 16 июля 1864 г. император Александр II утвердил ходатайство калмыков [19]. Виленский, Ковенский, Гродненский и Минский Генерал-Губернатор и Главный Начальник Витебской и Могилевской губерний, генерал от Инфантерии М.Н. Муравьев в своем письме от 26 июля к Министру Государственных Имуществ просит: «...объявить от его имени калмыкам означенного улуса благодарность за добрую их об нем память» [Там же. Л. 2].

2 января 1878 г. на основании ходатайства зайсангов, опекунов и старшин Хошоутовского улуса импе-

ратором Александром II этот улус был переименован в Александровский [20].

Департамент Общих Дел уведомлением от 17 июня 1888 г. сообщил главному Попечителю калмыцкого народа о том, что 13 июня 1888 г. император «повелеть соизволил о соединении управления Мочажными и Яндыковскими калмыками в Яндыковско-Мочажное управление» [21. Д. 329. Л. 13]. На основании п. 1 этого повеления канцелярия попечителя Мочагов в составе одного переводчика, одного толмача и одного писца переводилась в новое улусное управление. Сэкономленные в результате сокращения должностей средства в размере 1 500 руб. направлялись на «усиление содержания чиновников «по ближайшему усмотрению Министерства Государственных Имуществ». Но уже 30 ноября 1888 г. Попечитель Н.О. Назаров обращается в Управление калмыцким народом с просьбой об упразднении с 1 января 1889 г. должности одного переводчика, объясняя это тем, что «...достаточно и одного» [Там же. Л. 29]. Данное обращение вызывает недоумение, так как функциональные обязанности переводчиков и толмачей были довольно обширными [22], и отказ попечителя от квалифицированного сотрудника не находит объяснения. Занимавший сокращенную должность попечителя Мочагов надворный советник П.Л. Скибневский оставлен за штатом на общем основании с сохранением содержания в течение года [21. Д. 329. Л. 25].

В результате количественных и качественных преобразований во второй половине XIX в. на территории Калмыцкой степи функционировало пять улусных управлений и четыре отдельные части (табл. 1).

На основании доклада Министра Государственных Имуществ о необходимости внесения изменений в личный состав Управления калмыцким народом император 17 августа 1881 г. повелел с 1 сентября того же года учредить должность Помощника Попечителя с содержанием 1 000 руб. (жалованье 650 руб. + столовых 350 руб.) [23].

В соответствии с высочайше утвержденным положением Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом от 27 августа 1882 г. были увеличены оклады содержания четырех улусных попечителей до 2 000 руб. и двух помощников, заведовавших отдельными частями улусов на правах попечителей, – до 900 руб. (табл. 2) [24].

Таблица 1

Улусные управления в Калмыцкой степи

Положение 1847 г.	Вторая половина XIX в.		
Багацохуровский	Багацохуро-Муравьевский с 1864 г.	1) Александро-Багацохуровское	1. Александровский улус в 1888–1916 гг.
Хошеутовский	Александровский с 1878 г.		
Эркетеновский	2) Эркетеновский		
Яндыко-Икицохуровский	3) Яндыко-Мочажный в 1888–1916 гг.	Мочаги в 1867–1888 гг.	2. Икицохуровский в 1882–1916 гг.
Малодербетовский	4) Малодербетовский	Отдельная часть Малодербетовского улуса с 1882 г. 3. Манычский с 1909 г.	
Харахусо-Эрдниевский	5) Харахусовский в 1888–1916 гг.		
4. Калмыцкий Базар			
	Пять улусных управлений и четыре отдельные части		

Таблица 2

Количественный состав улусных управлений и содержание чиновников во второй половине XIX – начале XX в.

Должности	Положение об управлении калмыцким народом 1847 г.		Положение Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом	
	Количество	Содержание	Количество	Содержание
Улусный попечитель	7	570	4/3	2 000/1 500
Помощник попечителя	9	285	7/2/1	600/900/1 000
Писец	7	80	7	80
Переводчик	7	170	7	170
Толмач	7	100	7	100

Список лиц, занимавших должности чиновников улусных управлений, составлен по данным Адрес-календаря – Общей росписи всех чиновных особ в государстве, который являлся официальным справочным изданием по всем губерниям империи. При этом следует отметить, что в список были внесены незначительные коррективы, обусловленные тем, что в Адрес-календаре указывались сведения только об одном назначении, произведенном в течение одного года, тогда как смена попечителей в одном улусе могла быть произведена не единожды. Таким образом, с момента образования Управления калмыцким народом, т.е. с 1867 г., и до 1917 г. во всех улусах Калмыцкой степи службу по должности улусного попечителя несли 92 человека. На основе анализа формулярных списков о службе и аттестатов, отложившихся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, персональные данные были получены только на 79 чиновников, что составляет 86% от их общего числа. Формулярные списки сохранились только у 49 чинов-

ников, что составляет 64%, аттестаты – у 33 чиновников (43%), т.е. на троих попечителей сохранились и формулярные о службе списки, и аттестаты.

В соответствии со ст. 1 Устава о службе по определению от правительства (далее – Устав о службе) при поступлении на гражданскую службу «принимается в уважение: 1) состояние лица или его происхождение, 2) возраст, 3) познания» [25. С. 3]. Исходя из указанных критериев, построен анализ корпуса улусных попечителей Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. Следует отметить, что следующая статья Устава содержит правовую норму, в соответствии с которой при поступлении на гражданскую службу не учитывалась этническая и конфессиональная принадлежность кандидатов, и формулярный о службе список не предусматривал указание сведений об этнической принадлежности.

На рис. 1 отображен анализ сословной принадлежности чиновников попечительского корпуса Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.

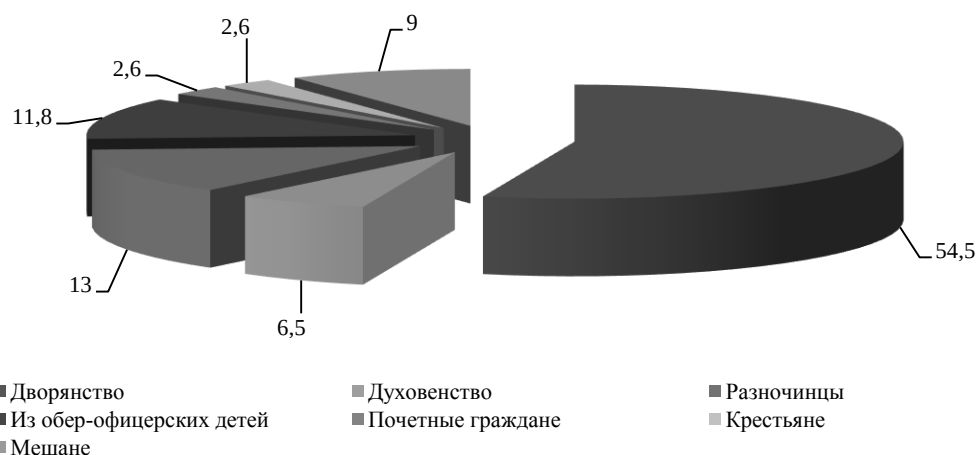

Рис. 1. Сословная принадлежность улусных попечителей, %

Подборка сословных групп, указанных на рис. 1, сложилась на основе сведений, представленных в формулярных списках и аттестатах, т.е. по данным, представленным самими чиновниками.

Большинство улусных попечителей в Калмыцкой степи (54,5%) в рассматриваемый период происходили из дворянского сословия, что закономерно для монархической формы государственного правления. География представителей данного привилегированного сословия обширна. Так, в графе «Из какого звания происходит» формулярного списка А.И. Каллистова значится:

«Из потомственных дворян Вятской губернии», – В.А. Зварковского – «из дворян Санкт-Петербургской губернии», Л.Н. Рашевского – «из потомственных дворян Черниговской губернии», В.Н. Сагайдак – «из потомственных дворян Херсонской губернии», Н.Ф. Терлецкого – «из потомственных дворян Полтавской губернии» и т.д.

В Российской империи существовало еще и личное дворянство. Так, ст. 3 манифеста «О порядке приобретения дворянства службою» от 11 марта 1845 г. гласит: «Недворяне, поступающие в гражданскую службу, при

производстве на оной в чин 14-го класса получают право личного почетного гражданства, а при производстве в 9-й класс вступают в права личного дворянства; дослужившиеся до 5-го чина приобретают дворянство потомственное» [26. С. 450]. Среди указанных выше попечителей все принадлежали к потомственным дворянам; при этом следует учесть, что действующее законодательство позволяло беспорочной службой приобрести звание потомственного дворянина. Однако, как отмечает О.В. Морякова, «...доходы этих людей не позволяли вести им такой же образ жизни, какой вели настоящие потомственные дворяне, а значит, и чувствовать себя наравне с ним они не могли... сами дворяне никогда не признавали их равными себе и не считались с ними» [2. С. 19].

В графе 2 («Из какого звания происходит») формулярного списка о службе Чиновника Особых поручений IX класса, не имеющего чина, Казимира Станиславовича Раздольского, впоследствии ставшего попечителем Малодербетовского улуса, указано: «Сын коллежского советника» [27. Д. 190. Л. 7 об.], т.е. получившего звание личного дворянина, которое не распространялось на детей, при этом сыну выгоднее было указать приобретенную сословную принадлежность отца, чем прежнюю.

13% из числа всех улусных попечителей Калмыцкой степи за период со второй половины XIX до начала XX в. принадлежали к разночинцам, т.е. выходцам из податных сословий, получившим образование. Эта категория населения России XVII–XIX вв. возникла, по мнению председателя Государственного совета князя Б.А. Васильчикова, «по недостатку в твердых преградах, кои бы отделяли одно сословие от другого, каждый оставляет ремесло отца своего, пренебрегая наследственными для оного способами, и усиливается получить каким бы то ни было образом права и преимущества высшего сословия» [1. С. 41]. Податной инспектор Енотаевского уезда, надворный советник К.К. Павлинов распоряжением по Министерству Внутренних Дел от 14 апреля 1912 г. назначается попечителем Яндыко-Мочажного улуса. В формулярном о службе его списке значится «сын статского советника» [28. Д. 242. Л. 7 об.]. Данный чин до 9 декабря 1845 г. давал право на получение потомственного дворянства по манифесту «О порядке приобретения дворянства службою» от 11 июня 1845 г. Так же, как и в случае с К.С. Раздольским, Павлинов указывает не сословную принадлежность, а гражданский чин отца, что выглядело более rispetable.

Отнесли себя к обер-офицерским детям 11,8% улусных попечителей. Так, Н.Н. Малеванов «по окончании полного курса наук в Астраханском уездном училище в службу вступил в Астраханское губернское правление в число канцелярских служителей 2-го разряда 1872 г. 28 декабря» [21. Д. 276. Л. 115 об.]. С.А. Козин – выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, поступивший на гражданскую службу по ведомству Министерства Внутренних Дел в 1903 г., исполнявший должности попечителей Яндыко-Мочажного и Малодербетовского улусов, в 1908 г. был назначен Заведующим калмыцким народом [28. Д. 185].

Статья 5 Устава о службе запрещает принятие на гражданскую службу мещан и вообще людей, принадлежащих к податным сословиям. Между тем проведенный анализ показывает, что 9% улусных попечителей принадлежат к мещанскому сословию. Например, астраханский мещанин Н.И. Назаров «по окончании полного курса в специальных классах Лазаревского института восточных языков в службу вступил в штат Канцелярии Астраханского Губернатора» [21. Д. 401. Л. 7 об.], а в 1876 г. на основании его прошения был перемещен в Управление Калмыцким народом и прослужил в Калмыцкой степи более 20 лет. Ситуация с мещанином Назаровым, получившим высшее образование, подпадает под действие ст. 8 этого же Устава. Согласно норме указанной статьи, получают право на поступление в гражданскую службу, «когда кто из них по месту воспитания своего приобретает право на классный чин или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего устава, дозволено принимать в службу независимо от рода и звания».

6,5% от общего числа улусных попечителей по своему происхождению отнесли себя к духовенству. В числе положений Устава о службе также имели место ограничения в отношении детей из семей священнослужителей. Так, в соответствии со ст. 7 способных к службе детей церковнослужителей дозволялось определять в канцелярские служители консисторий, духовных попечительств и духовных правлений, «с таким ограничением, чтобы они не имели права переходить в иную гражданскую службу». Право на поступление в гражданскую службу давали нормы, содержащиеся в ст.ст. 20, 21 Устава о службе, согласно которым для этого требовалось особое разрешение от духовного начальства и свидетельство от губернского правления. Среди попечителей, в аттестате которых указывалось происхождение «из семьи священнослужителей», были П.П. Максимович, окончивший полный курс Симбирского духовного училища, а также он «обучался в Симбирской духовной семинарии, но не окончивший курса по увольнению из духовного звания...» [29. Д. 265. Л. 73 об.], А.С. Балыклейский, Н.И. Россинский и М.И. Соколов.

5 апреля 1832 г. император Александр I подписал Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» [30]. В соответствии с данным документом учреждалось как потомственное, так и личное почетное гражданство, его представители получали ряд привилегий, отличающих их от купечества и мещан: свобода от подушной подати, телесных наказаний в случае совершения преступлений, а также право избираться на общественные выборные должности. Анализ сословного происхождения улусных попечителей показал, что 2,6% от их общего числа относятся к почетным гражданам. Один из них – Виталий Ефимович Локтев, в 1905 г. окончивший Санкт-Петербургский Императорский университет и заступивший в Земский Отдел по инородческому производству, 15 апреля 1906 г. на основании прошения был переведен в Калмыцкую степь на должность попечителя Яндыко-Мочажного улуса, а 10 ноября

1911 г. назначен Заведующим Калмыцким народом [28. Д. 194].

Еще 2% улусных попечителей являлись выходцами из крестьянского сословия, тогда как вышеупомянутая ст. 5 Устава о службе содержит ограничение по сословному принципу для лиц податных сословий при поступлении на гражданскую службу, к каким относились прежде всего крестьяне. Так, приказом Астраханского губернатора от 9 сентября 1902 г. за № 481 к исправлению должности попечителя Малодербетовского улуса был допущен Михаил Дмитриевич Ермаков, происходивший из крестьян Самарской губернии. Уровень его образования – Сулакское начальное народное училище Самарской губернии, что не позволяло воспользоваться положением ст. 8 Устава о службе. Законодательный акт, отменивший сословный принцип при производстве в первый классный чин, был

высочайше утвержден 5 октября 1906 г.; согласно ему «канцелярские служители для производства их в первый классный чин делятся на разряды в зависимости от полученного ими образования» [31]. Данная ситуация показывает, что, во-первых, сословное деление общества изжило себя, во-вторых, дефицит образованных кадров, в особенности на региональных окраинах, вынуждал местные власти привлекать на гражданскую службу лиц, не соответствующих существующим требованиям.

Представленный на рис. 2 анализ религиозной принадлежности улусных попечителей показывает, что абсолютное большинство (88,3%) из них являлись православными, незначительные доли последователей других конфессий распределились следующим образом: 6,5% – католики; 2,6% – лютеране; по 1,3% – армяно-григорианцы и мусульмане.

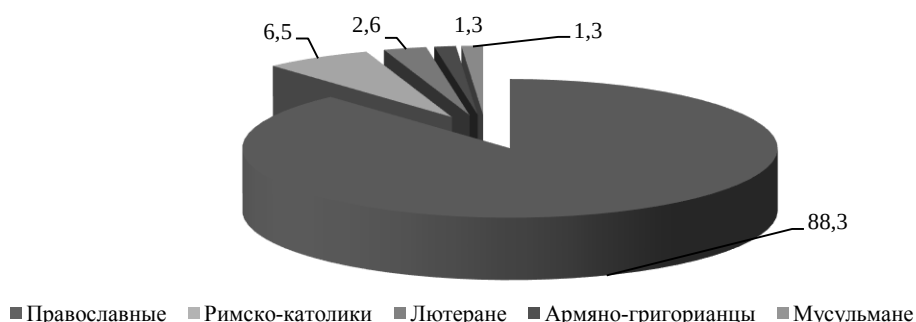

Рис. 2. Религиозная принадлежность улусных попечителей, %

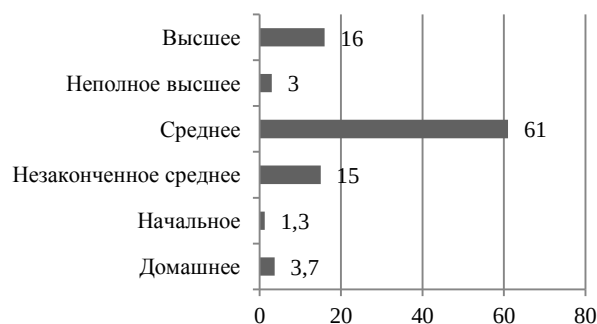

Рис. 3. Образовательный уровень улусных попечителей, %

В соответствии с «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе» все чиновники подразделялись по образованию на три разряда: лица с высшим образованием; со средним; лица, окончившие низшие учебные заведения либо получившие образование на дому [32]. Исходя из сведений, представленных в формулярных о службе списках, а также аттестатах попечителей, кроме указанных в вышеприведенном нормативном правовом акте уровней образования, были выделены неполное высшее и незаконченное среднее. На рис. 3 представлены результаты анализа образовательного уровня улусных попечителей Калмыцкой степи во второй половине XIX – начале XX в.

Статья 21 Устава о службе гласит: «Всяк желающий поступить в гражданскую службу, если не кончил курса учения в учебном заведении, обязан на предва-

рительном испытании доказать, что он не только умеет правильно читать и писать, но знает основания грамматики и арифметики, без чего никто в службу принят быть не может». Среди попечителей незначительная доля (1,3%) была и таких, которые в прямом смысле только и умели читать и писать, т.е. имели начальное образование; 3,7% улусных попечителей ограничились домашним образованием; более половины (77%) имели среднее и около четверти (19%) – высшее образование.

Из 12 существовавших в Российской империи Императорских университетов дипломы пяти – Московского, Санкт-Петербургского, Дерптского, Казанского, Томского – имели 12 улусных попечителей, а также двое не окончили обучение в Московском Императорском университете. Кроме того, на службе в улусных управлениях состояли выпускники Лазаревского ин-

ститута восточных языков и Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства.

Из улусных попечителей, имевших высшее образование, дворяне составляли 37,5%, разночинцы и обер-офицерские дети – по 18,75%, почетные граждане – 12,5%, выходцы из семей мещан и духовенства – по 6,25%, что наглядно отражало имперскую политику в сфере образования: высшее образование продолжало оставаться характерным для представителей привилегированного сословия, но с учетом незначительной доли тех, у кого дворянское звание являлось приобретенным по Табели о рангах.

Из числа улусных попечителей следует отметить Казимира Раздольского, получившего образование в Императорском Санкт-Петербургском университете, который 17 августа 1902 г. подал прошение о зачислении его на службу по Управлению калмыцким народом, указывая, что «в течение университетского курса он имел возможность ознакомиться с языком и бытом калмыков и монголов» [27. Д. 190. Л. 1]. По распоряжению Министра Внутренних Дел от 11 сентября 1904 г. за № 19480 и приказом Астраханского губернатора по Управлению калмыцким народом 23 сентября № 612 Раздольский был назначен Попечителем Малодербетовского улуса, но уже 18 августа 1905 г. согласно прошению уволен [Там же. Л. 81, 112].

Ученик профессора Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвича, подготовившего немало научных работников, прославивших востоковедную науку, выпускник факультета восточных языков С.А. Козин нес службу на должности попечителя Яндыко-Мочажного, а затем Малодербетовского улуса. Губернатор И.Н. Соколовский в приказе о назначении Козина неперменным членом астраханского губернского присутствия отмечает: «За 7 лет службы в Калмыцкой степи Козин близко ознакомился с жизнью, бытом и потребностями калмыков и, получив отличную подготовку по должности Заведывающего Калмыцким Народом, в коей с особым успехом и пользою для дела, провел около трех лет... связавший свое имя со степью и оставившим навсегда по себе добрую и благодарную память калмыков» [28. Д. 185. Л. 209]. Беспорочная служба таких образованных людей, безусловно, способствовала качественному улучшению жизни управляемого ими населения. К сожалению, не все из них задерживались в Калмыцкой степи.

Кроме того, по мнению О.В. Моряковой, «карьера чиновника зависела не от образования, а была делом случая или протекции» [2. С. 16]. Данное мнение подтверждается сведениями из послужного списка губернского секретаря Кичик Эрдниева, который «происходит из калмыков простолюдин Яндыковского улуса и окончил курс наук со степенью Действительного студента в Императорском Казанском университете [29. Д. 497. Л. 25]. На основании диплома 7 сентября 1882 г. он был определен Помощником Попечителя Яндыковского улуса, но уже в январе 1883 г. подал прошение об отставке, а 13 апреля – прошение о зачислении на должность переводчика, удовлетворенное 2 мая 1883 г. Что способствовало столь быстрому изменению по службе? По утверждению выпускника Военно-меди-

цинской академии Петрограда Эренджена Хара-Давана, среди калмыков бытовало мнение: «Зачем так долго учиться, все равно дальше писаря в улусном управлении не пойдешь, помощником попечителя все равно не будешь. В этом была доля правды. Никто из окончивших высшее учебное заведение не мог найти устройства, поле деятельности, службу среди своего народа» [33. С. 223]. Дальнейшая судьба К. Эрдниева не менее интересна. В декабре 1886 г. Главный Попечитель калмыцкого народа направляет на утверждение Астраханскому губернатору результаты выборов на должность правителя Яндыковского улуса, согласно которым избран К. Эрдниев. Астраханский губернатор Н.М. Цеймерман незамедлительно дает свое согласие и направляет ходатайство об утверждении К. Эрдниева в должности в Министерство Государственных Имуществ, указывая, что «...Эрдниев вероисповедания ламайского 1876 г., имеет от роду 40 лет, и хотя по происхождению калмык-простолюдин Яндыковского улуса, но окончивший курс в Императорском Казанском Университете со званием Действительного студента, на основании 1 п. 306 ст. IX т. Зак. О состоянии 1876 г. имеет права личного почетного гражданина и по своему юридическому образованию без сомнения будет полезен в делах службы» [29. Д. 497. Л. 42]. Департамент Общих Дел направил Главному Попечителю калмыцкого народа уведомление от 28 февраля 1887 г., в котором сообщалось, что Его Превосходительство «...не признал возможным утвердить Эрдниева, так как Правители улусом могут быть назначаемы только из рода зайсангов или владельцев» [Там же. Л. 43]. Имперские власти стояли на защите интересов привилегированных слоев самодержавного государства, допущение к властным позициям простолюдина, даже имеющего высшее образование, тем более на национальной окраине, могло стать прецедентом и нарушить сложившийся на протяжении ряда столетий порядок в социальной структуре общества, без того подвергавшийся изменениям, обусловленным требованиями времени.

Среднее образование имели 57% улусных попечителей, состоявших на службе во второй половине XIX – начале XX в., среди них были выпускники военных, духовных и уездных средних учебных заведений.

Абсолютное большинство попечителей, окончивших военное среднее образовательное учреждение, после выхода в отставку поступали на гражданскую службу. Например, Николай Михайлович Анненков, происходивший из потомственных дворян, воспитывался в Санкт-Петербургской военной гимназии и окончил Елизаветградское кавалерийское училище. В 1893 г. на основании прошения в чине подпоручика ушел в отставку и в том же году по постановлению астраханского губернского правления назначен на должность пристава 4-го участка. Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 7 марта 1894 г. за № 125 был переименован в коллежские секретари со старшинством по чину поручика [21. Д. 775. Л. 5–10].

43% выпускников духовных средних образовательных учреждений из числа улусных попечителей

являлись выходцами из семей священнослужителей. Так, в аттестате М.В. Вейсова значится: «Происходит из священнических детей» [29. Д. 265. Л. 59]. Окончив Псковское духовное училище, он поступил на службу в Нижегородское губернское правление.

В.Ф. Недоносков и В.И. Степанов, происходивший из мещанского сословия, – оба окончили полный курс наук в Астраханской духовной семинарии, но согласно прошению первый был определен на службу Астраханский Приказ Общественного Призрения [28. Д. 220. Л. 9 об.], а второй – по постановлению астраханской Палаты уголовного и гражданского суда – определен на службу в ее штат канцелярским служителем [Там же. Д. 248. Л. 162 об.].

Следующей социально-демографической характеристикой попечительского корпуса является семейное положение. Из числа всех улусных попечителей около четверти на момент службы в Калмыцкой степи в графе «Семейное положение», указали: «холост», – тогда как их доля в числе имевших высшее образование составляла 43%, при этом возрастные границы колебались от 28 до 47 лет. На наш взгляд, годы учебы, а затем суровые условия службы на региональной окраине не способствовали созданию семьи. Немаловажным фактором выступал также размер жалованья. Так, не имеющий жены и детей попечитель Калмыцкого Базара Рафаил Дмитриевич Фенелонов в прошении, поданном им на имя Главного попечителя калмыцкого народа Ивана Степановича Картеля, пишет: «Исполняя Ваше приказание, я должен был произвести излишний расход из своего жалованья на проезд, содержание и на наем квартиры для временной остановки... я должен был вновь обмундироваться и завести новое хозяйство... При настоящем положении, скоропостижном оставлении службы в период времени разрешения мне пенсии придется опять закладывать или продавать вещи для своего содержания» [29. Д. 601. Л. 23].

Сложнее ситуация складывалась у семейных чиновников, которые в своем большинстве озабочивались не проблемами государственной службы, а решением вопросов обеспечения семьи. Например, Александр Петрович Криницкий, воспитанник Александровского кадетского корпуса, выпускник Первого Казенного Павловского военного училища, состоял на военной службе с 1885 г., а в 1898 г. уволен в запас армии в чине поручика и в этом же году назначен Приставом 5-го участка г. Астрахани [21. Д. 1910. Л. 132–133 об.]. Приказом по Управлению калмыцким народом от 18 ноября 1899 г. А.П. Криницкий назначен на должность Попечителя Яндыко-Мочажного улуса, но тем же приказом ему было предписано вступить в должность Попечителя только по завершении всех дел по должности Чиновника Особых Поручений. В этой ситуации он понес дополнительные расходы, которые усугубили без того тяжелое материальное положение, что и обусловило его обращение с прошением к Главному Попечителю калмыцкого народа. Приведем отрывок из этого документа: «...мне с моей большой семьей приходилось жить на два дома в течение 3 1/2 месяцев только на 73 руб. в месяц... Пособие я получил по должности Чиновника Особых Поручений

59 р., каковые все-таки дали возможность кое-как перебиться моей семье. Накопившиеся за это время долги... принудили меня взять третнее жалованье, которое удерживается теперь с меня по 40 р. в месяц. К Пасхе пособия я никакого не получил, так как уже не был Чиновником Особых Поручений, а Попечителем к Пасхе пособия не выдается. Удержание такой большой суммы (1/4 всего содержания в месяц) при такой большой семье и при необходимости поддерживать, кроме того, свое попечительское достоинство и не ударить лицом в грязь, отражается на мне тяжело» [Там же. Л. 41 об.]. Такого рода прошения являются не исключением, а, скорее, устоявшейся процедурой, при помощи которой чиновники пытались решить свои материальные проблемы.

Имущественное положение чиновников характеризуют сведения, представленные в графе «Есть ли имение», причем как у него самого, так и у его родителей и жены. На основе анализа привлекаемых источников было установлено, что только 12,7% из общего числа улусных попечителей являлись собственниками имущества, например К.И. Бухарин являлся владельцем деревянного дома в Астрахани, принадлежавшего умершей жене [29. Д. 193. Л. 8], А.И. Каллистов имел в г. Верном усадьбное место с насаждениями и постройками на нем [34. Д. 192. Л. 25 об.], Н.И. Россинский – деревянный дом и разного рода постройки с землею в окрестностях деревни Кибирицы Суражского уезда Черниговской губернии [Там же. Д. 47. Л. 2]. Основным и единственным источником доходов для большинства улусных попечителей являлось жалованье. Отдаленность от губернского центра зачастую приводила к злоупотреблениям улусных попечителей на местах. Так, во взяточничестве было уличено более четверти из числа рассматриваемых чиновников. По утверждению исследователя чиновничества России XIX в. П.А. Зайончковского, «...по многочисленным отзывам современников, взяточничество и казнокрадство с точки зрения чиновничьей морали было обычным явлением» [1. С. 143]. Абсолютное большинство этих чиновников принадлежало к потомственным дворянам, и только незначительная часть происходила из числа обер-офицерских детей и канцелярских служащих. Однако, судя по формулярным спискам, ни один из них не обладал недвижимостью, ни наследственной, ни благоприобретенной. Так, в отношении попечителя Малодербетовского улуса Астраханской Палаты Уголовного и Гражданского суда было принято решение: «Принять меры к поддержанию спокойствия в ставке Малодербетовского улуса, арестовать Попечителя Каллистова и произвести у него обыск ввиду указания стражи, что у него находятся запасы спирта для пьянства и наворованного у казны сахара, награбленные у калмыков шубы, часы и проч.» [34. Д. 192. Л. 85 об.]. Подобное поведение со стороны чиновничества, олицетворявшего имперские власти в регионе, не способствовало установлению престижа власти и, как следствие, эффективной интеграции инородческого общества в общероссийское пространство. Как отмечает Э. Хара-Даван, «...попечителями и помощниками попечителя чаще всего бывали люди с “домашним обра-

зованием”, да к тому же всякие отбросы центра: взяточники, пьяницы, драчуны, нередко и проворовавшиеся чиновники» [33. С. 223]. Инородец, получивший высшее образование, как никто другой соприкоснувшийся с попечительской системой, всячески препятствовавшей распространению образования в народе, прекрасно осознавал суть этого «попечительства» и кем оно осуществлялось.

Таким образом, социально-демографические характеристики попечительского корпуса Калмыцкой степи второй половины XIX – начала XX в. показывают, что половина из всех улусных попечителей принадлежала к дворянскому сословию. Если учесть факт наличия среди них приобретенного потомственного дворянского звания, то следует констатировать имевшую место вертикальную, восходящую социальную

мобильность, которая была характерна для представителей разночинных слоев российского общества, также занимавших значительное место в социальной структуре попечительского корпуса Калмыцкой степи.

Характеризуя образовательный уровень улусных попечителей, следует отметить его разнообразность: от домашнего до высшего. Региональная окраина, каковой являлась Калмыцкая степь в рассматриваемый период, выступала благоприятной средой для карьерного роста. Отдаленность от центра, неизученность территории, незнание традиций и обычаев народов, ее населяющих, длительный период военных конфликтов – все это в конечном итоге обусловило дефицит кадрового состава, способного адаптироваться в новых условиях и управлять народами, не приветствовавшими изменений веками устоявшегося уклада.

Список источников

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
2. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX в.: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8. 1993. № 6. С. 11–23.
3. Иванов В.А. Губернское чиновничество России в 50–60-х гг. XIX в. М.: Мысль, 1998. 235 с.
4. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднимперский период (на территории Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
5. Избасарова Г.Б. Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции // Былые годы. 2017. Т. 46, № 4. С. 1366–1375.
6. Плех О.А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XX в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272.
7. Оспанова А.А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 499–502.
8. Pintner W.M. The Social Characteristics the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy. Т. II // Slavic Review. 1970. Vol. 29, № 3. P. 429–443.
9. Бурчинова Л.С. Из истории управления калмыцким народом (XIX в.) // Труды молодых ученых Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. Вып. 3: Серия истории и филологии. С. 59–67.
10. Мацакова Н.П., Амаева Д.В., Оконова Л.В. Роль чиновничества в социально-экономическом развитии и управлении Калмыкии в XIX в. // Каспийский регион: политика, экономика культура. 2018. № 4 (57). С. 69–75.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. 677 с.
12. Об изменении и сокращении состава Министерства Государственных Имуществ и подведомственных оному местных по губерниям учреждений // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868. Т. XLI, ч. 2. № 44024. С. 469–471.
13. Расписание должностей и издержек по местному губернскому управлению государственных имуществ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1868. Т. XLI, ч. II: Штаты табели. № 44024. С. 644–645.
14. О причислении Харахусо-Эрднеевского калмыцкого улуса к разряду казенных улусов и об устройстве в нем нового управления // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1890. Т. VIII. № 4965. С. 17–18.
15. Штат по Управлению калмыцким народом к № 24144. 1847 г. Апреля 23 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. Т. XXII, ч. 2. С. 63–65.
16. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
17. Порядок заведывания кочующими в Ставропольской губернии калмыками, и о новой пограничной черте между Ставропольской и Астраханской губерниями от 13 марта 1860 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. Т. XXXV, ч. 1. № 35556. С. 222.
18. Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-7. Оп. 4.
19. О наименовании Багацоуровского калмыцкого улуса «Багацоуро-Муравьевским» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX. № 41075. С. 626–627.
20. О наименовании Хошоутовского Калмыцкого улуса «Александровским» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1880. Т. LIII. № 58051. С. 11.
21. НА РК. Ф. И-9. Оп. 5.
22. Лиджиева И.В., Бадмаева Е.Н. Толмачи-калмыки на государственной службе Российской империи: социальный статус и пределы карьерного роста // Былые годы. 2019. № 4. С. 1716–1725.
23. О некоторых изменениях в личном составе Управления Калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1885. Т. 1. № 354. С. 266–267.
24. Положение Комитета Министров о некоторых изменениях в составе Управления калмыцким народом // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1886. Т. 2. № 1075. С. 391–392.
25. Устав о службе гражданской по определению от правительства // Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. 3, тетрадь 1. С. 1–39.
26. О порядке приобретения дворянства службою // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX, ч. I. № 19086. С. 450–451.
27. НА РК. Ф. И-9. Оп. 1.
28. НА РК. Ф. И-9. Оп. 11.

29. НА РК. Ф. И-9. Оп. 4.
30. Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. Т. VII. № 5284. С. 193–195.
31. Об изменении порядка производства в первый классный чин и переименования в гражданский чин из офицерского // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1906. Т. XXVI, ч. I. № 28393. С. 893–894.
32. Положением о порядке производства в чины по гражданской службе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1834. Т. IX. № 7224. С. 656–665.
33. Хара-Даван Э. Калмыцкие студенты-пионеры // Эренджан Хара-Даван и его наследие : сб. ст. и материалов / сост. А.Э. Алексеева. Элиста : Герел, 2012. 350 с.
34. НА РК. Ф. И-9. Оп. 2.

References

1. Zayonchkovskiy, P.A. (1978) *Pravitel'stvennyy apparat samoderzhavnoy Rossii v XIX v.* [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moscow: Mysl'.
2. Moryakova, O.V. (1993) *Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetveri XIX v.: sotsial'nyy portret, byt i nrvy* [Provincial bureaucracy in Russia in the second quarter of the 19th century: a social portrait, way of life and customs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8.* 6. pp. 11–23.
3. Ivanov, V.A. (1998) *Gubernskoe chinovnichestvo Rossii v 50–60-kh gg. XIX v.* [Provincial officials of Russia in the 1850–60s]. Moscow: Mysl'.
4. Lyubichankovskiy, S.V. (2007) *Gubernskaya administratsiya i problema krizisa vlasti v pozdneimperskiy period (na territorii Urala, 1892–1914 gg.)* [Provincial administration and the crisis of power in the late imperial period (on the territory of the Urals, 1892–1914)]. Samara; Orenburg: SEI OSU.
5. Izbasarova, G.B. (2017) *Institut popechiteley v Kazakhskoy stepi XIX v.: pravovoe polozhenie i dolzhnostnye instruktsii* [Institute of trustees in the Kazakh steppe of the 19th century: the legal status and job descriptions]. *Bylye gody.* 46(4). pp. 1366–1375.
6. Plekh, O.A. (2019) Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the 19th century: domestic historiography of the end of the 20th – early 21st century. *Voprosy istorii.* 11. pp. 258–272. (In Russian). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi33
7. Ospanova, A.A. (2015) *Izuchenie chinovnichestva v Rossiyskoy istoricheskoy nauke* [The study of bureaucracy in Russian historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.* 17(3-2). pp. 499–502.
8. Pintner, W.M. (1970) The Social Characteristics the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy. Vol. II. *Slavic Review.* 29(3). pp. 429–443.
9. Burchinova, L.S. (1973) *Iz istorii upravleniya kalmytskim narodom (XIX v.)* [From the history of the management of the Kalmyk people (the 19th century)]. *Trudy molodykh uchenykh Kalmykii.* 3. pp. 59–67.
10. Matsakova, N.P., Amaeva, D.V. & Okonova, L.V. (2018) The role of bureaucracy in socio-economic development and management of Kalmykia in 19th century. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture.* 4(57). pp. 69–75. (In Russian).
11. Lenin, V.I. (1958) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.
12. Russia. (1868a) *Ob izmenenii i sokrashchenii sostava Ministerstva Gosudarstvennykh Imushchestv i podvedomstvennykh onomu mestnykh po guberniyam uchrezhdeniy* [On changing and reducing the composition of the Ministry of State Property and subordinated to it local institutions in the provinces]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XLI(2). № 44024. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 469–471.
13. Russia. (1868b) *Raspisanie dolzhnostey i izderzhok po mestnomu gubernskomu upravleniyu gosudarstvennykh imushchestv* [Schedule of positions and costs for the local provincial administration of state property]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XLI(2). № 44024. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 644–645.
14. Russia. (1890) *O prichislenii Kharakhso-Erdnievskogo kalmytskogo ulusa k razryadu kazennykh ulusov i ob ustroystve v nem novogo upravleniya* [On classifying the Kharakhso-Erdnievsky Kalmyk ulus to the category of state uluses and on the arrangement of a new administration in it]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. VIII. № 4965. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 17–18.
15. Russia. (1848) *Shtat po Upravleniyu kalmytskim narodom k № 24144. 1847 g. Aprelya 23* [Staff for the Administration of the Kalmyk people to No. 24144. April 23, 1847]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXII(2). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 63–65.
16. Maksimov, K.N. (2002) *Kalmykiya v natsional'noy politike, sisteme vlasti i upravleniya Rossii (XVII–XX vv.)* [Kalmykia in national politics, the system of power and government in Russia (the 17th – 20th centuries)]. Moscow: Nauka.
17. Russia. (1862) *Poryadok zavedyvaniya kochuyushchimi v Stavropol'skoy gubernii kalmykami, i o novoy pogranichnoy cherte mezhdru Stavropol'skoy i Astrakhanskoy guberniyami ot 13 marta 1860 g.* [The order of management of Kalmyks nomadic in the Stavropol province, and about the new border line between the Stavropol and Astrakhan provinces of March 13, 1860]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXXV(1). № 35556. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 222.
18. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-7. List 4.
19. Russia. (1867) *O naimenovanii Bagatsokhurovskogo kalmytskogo ulusa “Bagatsokhuro-Murav'evskim”* [On naming the Bagatsokhurovsky Kalmyk ulus as “Bagatsokhuro-Muravyevsky”]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XXXIX. № 41075. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 626–627.
20. Russia. (1880) *O naimenovanii Khoshoutovskogo Kalmytskogo ulusa “Aleksandrovskim”* [On naming the Khoshoutovsky Kalmyk ulus as “Aleksandrovsky”]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. LIII. № 58051. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. p. 11.
21. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 5.
22. Lidzhieva, I.V. & Badmaeva, E.N. (2019) *Tolmachi-kalmyki na gosudarstvennoy sluzhbe Rossiyskoy imperii: sotsial'nyy status i predely kar'ernogo rosta* [Kalmyk interpreters in the public service of the Russian Empire: social status and limits of career growth]. *Bylye gody.* 4. pp. 1716–1725.
23. Russia. (1885) *O nekotorykh izmeneniyakh v lichnom sostave Upravleniya Kalmytskim narodom* [On some changes in the personnel of the Administration of the Kalmyk people]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. I. № 354. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 266–267.
24. Russia. (1886) *Polozhenie Komiteta Ministrov o nekotorykh izmeneniyakh v sostave Upravleniya kalmytskim narodom* [Regulations of the Committee of Ministers on some changes in the composition of the Administration of the Kalmyk people]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 2. № 1075. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 391–392.
25. Russia. (1857) *Ustav o sluzhbe grazhdanskoy po opredeleniyu ot pravitel'stva* [Charter on civil service by the Government definition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 3(1). St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 1–39.
26. Russia. (1846) *O poryadke priobreteniya dvoryanstva sluzhboyu* [On the procedure for acquiring nobility by service]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XX(1). № 19086. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 450–451.

27. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 1.
28. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 11.
29. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 4.
30. Russia. (1833) Ob ustanovlenii novogo sosloviya pod nazvaniem Pochetnykh grazhdan [On the establishment of a new class called Honorary Citizens]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. VII. № 5284. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 193–195.
31. Russia. (1906) Ob izmenenii poryadka proizvodstva v pervyy klassnyy chin i pereimenovaniya v grazhdanskiy chin iz ofitser'skogo [On changing the order of production to the first class rank and renaming to the civil rank from the officer]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. XXVI(1). № 28393. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 893–894.
32. Russia. (1834) Polozheniem o poryadke proizvodstva v chiny po grazhdanskoy sluzhbe [Regulations on the order of production in the ranks of the civil service]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. IX. № 7224. St. Petersburg: Second Section of H.I.M. Own Chancery. pp. 656–665.
33. Khara-Davan, E. (2012) Kalmytskie studenty-pionery [Kalmyk students-pioneers]. In: Alekseeva, A.E. (ed.) *Erendzhen Khara-Davan i ego nasledie* [Erendzhen Khara-Davan and His Heritage]. Elista: Gerel.
34. The National Archives of the Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9. List 2.

Сведения об авторе:

Лиджиева Ирина Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: irina-lg@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lidzheva Irina V. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Humanitarian Studies, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: irina-lg@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; принята к публикации 06.05.2022

The article was submitted 03.12.2020; accepted for publication 06.05.2022